

© 1990 г.

М. Г. Рабинович. Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978; 328 с.: его же. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988. 311 с.

Всестороннее изучение древнерусских городов домонгольского времени, связанное прежде всего с успехами археологии, продолжает оставаться одной из актуальных задач отечественной исторической науки. Материальная культура русского феодального города последующей эпохи, особенно второй половины XIII—XV в., исследована слабее. Обе рецензируемые монографии, посвященные важнейшим сторонам жизни русских городов за тысячу лет их существования (с IX по XIX в.), по своему огромному хронологическому диапазону необычны для советской историографии. Такой подход, потребовавший от автора огромного труда и универсальных знаний, представляется весьма плодотворным, так как позволяет проследить городскую культуру в ее развитии. Средневековый город не был застывшим организмом. Экономические и социальные изменения сказывались на всех элементах бытового уклада его населения, что убедительно показано в работе. Вместе с тем следует отметить, что города XVIII — середины XIX в., по моему мнению, уже никак не подходят под понятие «феодальных» (хотя это нашло отражение и в самих названиях книг). Включение поздних материалов с точки зрения этнографа вполне понятно, но исторически, безусловно, требовало теоретического обоснования, что не сделано. Слишком резкий перелом произошел при Петре I, городская культура стала кардинально меняться.

Кстати и принцип хронологического членения соблюден далеко не везде. Если, например, в главе «Двор и дом» четко выделены периоды (IX—XIII, XIII—XV, XVI—XVII, XVIII—XIX вв.), то этого нельзя сказать о такой важной главе, как «Город и горожане». Так, в разделе «Планировка и застройка» М. Г. Рабинович пишет: «...радиально-кольцевая планировка городов, исторически сложившаяся в процессе их развития, была характерна для России в X—XVII вв.» (Очерки этнографии... с. 29). Вывод слишком суммарен и не совсем точен: существовали и иные планировочные структуры. В разделе «Ремесла» в одном абзаце соседствуют данные по XII, XIV—XVI и XVII—XVIII вв., причем выводы существенно не отличаются (там же, с. 36). Подобные примеры несоблюдения хронологических градаций, создающие помимо воли автора ложное впечатление о консервативности городских институтов, можно значительно умножить.

Обе книги — в сущности две части единого труда и следовательно должны рассматриваться вместе. Они состоят из отдельных очерков, создающих в сумме целостную картину материальной и духовной культуры русского феодального города. Таковы очерки «Город и горожане», «Из истории общественного быта», «Главные черты домашнего быта», «Двор и дом», «Городской костюм», «Стол горожанина». Особую ценность представляют приложения: обзор письменных источников с описаниями дворов XVI—XVII вв., комплектов одежды горожан XVI—XVII и др.

Труд М. Г. Рабиновича привлекает широтой охвата самых разнообразных материалов. В его основе — междисциплинарный подход, метод синтеза письменных и вещественных источников. Привлечены летописные и литературные известия, юридические документы, записки иностранных путешественников о Московии, мемуары современников. Полноценным историческим источником служат изобразительные данные: миниатюры рукописей и гравюры, чертежи и планы городов XVI—XIX вв., лубочные картинки, гравированные рисунки на серебряных браслетах-обручах XII—XIII вв. и т. д. Естественно, что М. Г. Рабинович как археолог и ведущий исследователь средневековой Москвы, руководивший экспедицией в Зарядье — московском «Великом посаде», широко привлекает археологические материалы. Они особенно важны для первых столетий истории русских городов, бытовой уклад которых скупое освещение в памятниках письменности. Постоянное обращение к этнографии позволяет автору ретроспективно воссоздавать более ранние явления, но он отчетливо сознает, что этот метод требует сугубой осторожности и неизбежных коррективов. Таким образом, перед нами комплексное исследование, реконструирующее с достаточной полнотой повседневную жизнь русского феодального города на разных этапах его развития. С XII в. это развитие определяло прогресс общества в целом: власть и богатство, тесно связанное с христианизацией просвещение, лучшие творения архитектуры, живописи и прикладного искусства — все это концентрировалось в городах и монастырях.

До сих пор в центре внимания советских историков средневековой Руси находится изучение социально-экономических проблем и событий политической истории. Исследование быта людей той эпохи, неотделимого от социально-политических и идеологических процессов, воссоздание повседневной среды, окружавшей человека, к сожалению, остается в тени. Одним из исключений является двухтомная «История культуры древней Руси. Домонгольский период» (М.; Л., 1951), написанная очень сильным коллективом специалистов и до сих пор не устаревшая. Следует упомянуть и три выпуска трудов ГИМ «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.» (М., 1956, 1959, 1967), а также издаваемые МГУ «Очерки русской культуры» (М., 1969, 1976, 1979 и 1985—1988), в настоящее время доведенные до XVIII в. Основная заслуга этих изданий — изучение повседневных форм жизни, бытовых вещей, их стиля и моды, материально-пространственной среды в городах периода феодализма — принадлежит археологам. Однако обобщающей работы о быте древнерусских горожан так и не было создано. В этом факте сказалась распространившаяся в исторической науке

с 30-х годов общая тенденция к свертыванию историко-культурных исследований, игнорирование или крайне примитивная трактовка форм мировоззрения и миропонимания древних обществ, зачастую их явная модернизация. Духовная жизнь средневекового человека, сложная, противоречивая, полная контрастов, неразрывно связанная с церковью и вместе с тем впитавшая целые пласты дохристианских представлений, особенно на уровне массового народного сознания, оказалась забыта для семьи печатями. По сравнению с достижениями дореволюционных медиевистов, в том числе историков русской церкви и язычества, этнографов, изучавших древние черты в традиционной народной культуре, стал очевиден регресс. Было утрачено понимание того, что предметы быта — от жилища до костюма — отражали социально-психологические представления эпохи. Подчас в них находили воплощение высокие идеи и образы, относящиеся к категориям времени и пространства, к космогонии и исторической мысли, к пониманию прекрасного в окружающем мире. Поэтому глубоко неверно относить предметы быта только к сфере человеческой жизнедеятельности в ее чисто практических функциях, связанных с удовлетворением жизненных потребностей, стремлением к рационализации и комфорту. Едва ли не важнее знаковая функция бытовых объектов и явлений во всем реальном многообразии их сторон и оттенков.

Наступила пора от абстрактных социологических схем переходить к изучению живых людей в контексте условий их существования и мотивировок их поведения: отсюда возрождающийся интерес к окружающему человека микромиру как воплощению ценности национальных традиций. Следует вернуться к пониманию, что «предметом истории является человек»¹. «За зримыми очертаниями пейзажа, орудий или машин, за самыми, казалось бы, сухими документами и институтами, совершенно отчужденными от тех, кто их учредил, история хочет увидеть людей. Кто этого не усвоил, тот, самое большее, может стать чернорабочим эрудиции. Настоящий же историк похож на сказочного людоеда. Где пахнет человечиною, там, он знает, его ждет добыча»². Разнообразные источники, в том числе бытовые вещи, рассказывают нам об уровне цивилизации общества, ремесле и торговых связях, о зажиточности или бедности, о социальных отношениях, навыках мышления и нормах поведения.

В этом отношении живо написанные книги М. Г. Рабиновича весьма примечательны. Воссоздавая драгоценные черты народного быта, тонким знатоком которого он является, автор рисует яркую, изобилующую важными деталями картину жизни русских городов. Стиль изложения, далекий от академической сухости, способствует глубокому анализу явлений, выяснению их мировоззренческих и социальных корней, рассмотрению феноменов средневекового быта в их динамике. Труд М. Г. Рабиновича — один из первых за многие десятилетия удачных опытов восстановления условий жизни русских горожан, окружающего их предметного мира во всем его многообразии. В отличие от ставшей классической книги Б. А. Романова «Люди и нравы Древней Руси» (первое издание — Л., 1946), автор широко использует археологические и, как уже было сказано, разнообразные изобразительные материалы, благодаря чему и становится возможной конкретизация представлений о культурно-бытовом фоне эпохи, слабо отраженном в письменных памятниках. Вещественные источники несут важную информацию о повседневной деятельности средневековых горожан. На первый план выступают не столько знатные лица и правители, сколько простые люди Древней Руси со своей системой ценностей, устойчивыми вкусами и формами жизненной ориентации. В книгах М. Г. Рабиновича совокупность бытовых реалий создает связную и целостную картину жизни древнерусского города в контексте культуры всей Руси.

В первой книге, в очерке «Город и горожане» М. Г. Рабинович коротко останавливается на вопросах становления, возникновения и упадка городов, их планировке и застройке. Он совершенно справедливо подчеркивает такие важнейшие функции города, как административно-политические, военно-оборонительные и культурно-бытовые (правда, последнее определение нельзя признать удачным). Долгое время господствующее в литературе представление о городе как преимущественно центре ремесла и торговли следует признать упрощенным, объединяющим реальную историческую действительность. Автор, на наш взгляд, прав, говоря о разнообразии путей происхождения восточнославянских городов, но высказанное скользящее утверждение, что они «с самого начала носили ярко выраженный феодальный характер» (с. 17), нуждается в серьезном обосновании. Никак нельзя игнорировать исследования И. Я. Фроянова с существенно иными выводами о ранней социально-политической истории Руси. Профессиональный состав городского населения изменялся в разные периоды и, вероятно, временную дифференциацию следовало бы провести более четко. Например, такие категории городского населения, как грузчики, лодочники, возчики и ямщики, появляются сравнительно поздно — с XVI—XVII вв., «домовладельцы» — категория для феодальных городов не характерная, так же как и отходники, отправлявшиеся на заработки в крупные города. Автор убедительно обосновывает важную роль подсобных занятий горожан: хлебопашества, огородничества и садоводства, скотоводства и рыболовства. Средневековые города никогда не теряли связей со своей сельской округой и сами еще носили полуаграрный характер. В целом очерк воспринимается как вступительный к основному тексту. Закрывающий его раздел, посвященный этническому составу городского населения, его формированию в результате слияния различных этнических групп, было бы логичнее поместить не в конец очерка — после раздела о сельскохозяйственных занятиях населения, а в начало.

Очень содержателен и второй очерк «Из истории общественного быта». М. Г. Рабинович подробно рассказывает о жизни княжеского двора с его парадными приемами и пирами, о значении главной городской святыни — соборной церкви, где служил высший церковный иерарх, проходили торжественные церемонии. В коротком разделе о вече автор склоняется к традиционному и ставшему общим местом положению об обязательном делении города домонгольского времени на сильно укрепленный аристократический детинец и посадскую часть с торгово-ремесленным населением. Но такая планировочная структура не являлась обязательной для всех, даже очень крупных

древнерусских городов типа Старой Рязани и др. В очерке, на мой взгляд, имеются некоторые композиционные недочеты. За описанием позднесредневековых кремлей следовало бы поместить раздел «Кремль в XVIII в.». Если о торжественных встречах высоких гостей — светских и духовных вельмож, иностранных послов в XV—XVII вв. рассказано подробно, то соответствующих сведений о XVIII в. нет, что следовало бы обосновать. Начиная от аллегорических шествий-маскарадов в честь военных побед Петра, феерические празднества по случаю великих событий достигли кульминации именно в этом столетии (о них кратко упомянуто на с. 155).

М. Г. Рабинович, по-видимому, несколько искусственно обособляет разделы «Торг» и «Посад»; было бы точнее охарактеризовать торг как часть посада, тем более, что, как явствует из самого изложения материала, им свойственны одни и те же черты. Например, в разделе «Торг» выделены подразделы «Публичные акты. Процессии». «Уличные представления», а в разделе «Посад» — «Храмовые праздники. Братчины», «Церковная служба», «Древние обряды», «Гулянья. Хороводы», «Военные игры — взятие снежного городка, борьба, кулачный бой», «Мирные игры и развлечения — городки, качели, мяч, катания». Объединение перечисленных сюжетов создало бы более цельную картину многокрасочной праздничной жизни народа, которая не делилась на «торговую» и «посадскую».

Уже из перечня заголовков видно, какое большое место уделяет М. Г. Рабинович праздничной, зрелищной стороне жизни средневековых горожан. Подробно описаны православные обряды: крестные ходы, ритуал освящения воды — «Иордань», массовые процессии в Вербное воскресенье, имитировавшие «вход Христа в Иерусалим».

Автор справедливо подчеркивает, что многие городские массовые праздники, по существу не отличавшиеся от сельских, генетически восходили к дохристианским ритуалам, где ведущая роль принадлежала аграрно-магической обрядности. В праздничном поведении горожан и крестьян, приверженных магии, бессознательно смешивалась древняя языческая практика с поверхностно усвоенным христианством. Таковы подробно описанные М. Г. Рабиновичем братчины, русалии, в том числе праздник Ярилы, сопровождавшиеся пением, плясками и кулачными боями, инсценировками ряженых. Автором собран обильный этнографический материал XVIII—XIX вв., связанный с пережитками магических обрядов плодородия. Эти коллективные игрища, приуроченные к церковным, бытовым и земледельческим праздникам, не требовали профессиональной подготовки и вовлекали в свою орбиту население целых городов. Таковы крестный ход «на рожь» в сороковой день после Пасхи, Троица, Петров день и зимний праздничный цикл — зимние святки с гаданиями, Масленица и другие. На конкретных примерах М. Г. Рабинович показывает, как церковь адаптировала архаичные языческие празднества. Большое внимание уделено разнообразным подвижным играм, излюбленным русскими горожанами, которые доставляли искреннюю радость всем присутствующим и участникам состязаний, выявляя их силу и выносливость, быстроту реакции и ловкость.

Один из самых интересных очерков в труде М. Г. Рабиновича «Главные черты домашнего быта» посвящен не столько бытовому укладу аристократии, сравнительно хорошо изученному, сколько жизни посадского населения. Автор подробно рассказывает о формах семьи и внутрисемейных отношениях, об обычаях и обрядах, связанных с браком, о роли детей в семье и отношении к ним взрослых, о похоронных и поминальных ритуалах, наконец, о формах обучения и уровне грамотности. Нет необходимости пересказывать содержание этого очерка, основанного на обширных материалах, собранных автором исследования. Разумеется, им учитывается как консерватизм частной жизни, особенно в среде бедных посадских людей, так и ее постепенные изменения в связи с развитием городов и резким отрывом их от деревни, что связано с культурными новациями. Преобладание малой семьи в городах вплоть до XVII в. находит подтверждение и в археологических данных — размерах жилых домов и усадеб. Эти соображения следовало бы привести. «Формы жизни» древнерусского горожанина, хотя и в опосредствованном виде, были органически связаны с производством, социально-политическим строем, религиозными традициями с их переплетением разнородных начал. Так, в свадебном обряде, как справедливо указывает автор, слились древние языческие черты с церковным чином, распространившимся на Руси после принятия христианства. Многие черты семейного быта вытекали из ощущения извечности и неизменности существования, что особенно наглядно проявилось в свадебных и похоронных обычаях.

Вторая книга М. Г. Рабиновича открывается очерком «Двор и дом», в котором рассмотрена эволюция усадеб и составивших их основных построек за тысячу лет. Уже для домонгольского времени становится все более очевидным преобладание в городской застройке жилых наземных домов, к которым относятся и слегка углубленные в землю «полужемлянки». Долго бытовавший тезис о преобладании в Южной Руси жилищ полужемляночного и земляночного типов в свете новейших археологических открытий нуждается в пересмотре. Внешний облик древнерусского города определяли наземные срубные дома, однокамерные и двухкамерные, в том числе и слегка углубленные в землю для сохранения тепла. Нередко при раскопках на небольших площадях археологи ошибочно принимают за земляночные жилища обширные хозяйственные подполья наземных домов, иногда имеющих почти равную с жилищем площадь. Поэтому современная методика археологических исследований древнерусских городов требует раскопок на большой площади. Тогда отчетливо выявляется преобладание усадебной (дворовой) структуры не только в севернорусских городах с хорошей сохранностью органики (типа Новгорода), но и по всей Руси. За заборами или частоколами усадеб располагались и помещения, углубленные в материк до 1,5—2 м, но это были или производственные, например по выплавке железа, бронзолитейные мастерские, или погреба для хранения продуктов. Поэтому утверждение автора, что «почти каждый дом был одновременно и мастерской ремесленника» (с. 20), никак нельзя принять без оговорок. Это может относиться только к некоторым видам ремесла. Что же касается металлообработки, гончарства или стеклоделия, то есть производств, связанных с огнем, то укажем, что мастерские располагались поодаль от

жилищ. Вероятно, на всех этих проблемах следовало бы остановиться более подробно в разделе, посвященном IX—XIII вв., тем более, что последующее градостроительство вплоть до XVII в. развивало домонгольские традиции. Более значительные изменения во времени коснулись богатых деревянных и каменных хором знати и, следовательно, к реконструкциям дворцовых строений XI—XIII вв. по известным образцам XVI—XVII вв. следует относиться с очень большой осторожностью.

К сожалению, вне исследования М. Г. Рабиновича остались вопросы демографии, интенсивно разрабатываемые в настоящее время западной медиевистикой. Примерные расчеты численности населения некоторых городов в разные периоды представляли бы значительный интерес.

Связь живого человека с условиями его существования ярко проявляется в истории и семантике одежды (очерк «Городской костюм»). В ее формах отчетливо «читаются» демократизм, ценность национальной традиции, ощущение индивидуальной привлекательности ремесленного изделия по сравнению с обезличенной фабричной продукцией. М. Г. Рабинович рассматривает многообразные функции одежды, которые особенно ярко проявились в условиях города со сложным социальным и этническим составом населения, особой интенсивностью общественной жизни и быта. В изложении автора одежда образует упорядоченную семантическую знаковую систему. Традиционность костюма средневековых горожан, близость его к крестьянскому отнюдь не исключала оппозиций официальной и неофициальной (собственно бытовой) одежды, костюма рядовых жителей и людей зажиточных (разница в материале, украшениях, количестве одновременно надеваемых одеяний), а также оппозиции единообразия и вариативности.

Представление о бытовой среде русских горожан было бы неполным без очерка «Стол горожанина», содержащего обширный фактологический материал. Здесь перечислены главные продукты питания, кушанья и напитки, рассказано о заготовке продуктов впрок и способах их хранения, об обогащении меню с течением времени, о привозных яствах, об утвари для приготовления пищи, столовой и парадной посуде. Подробно описаны различия в трапезах господ и их слуг, отражающие социальные градации. Имеется раздел о ритуальных блюдах, характерных для храмовых праздников, свадебного, крестильного и поминального столов, раскрывается дохристианское магическое значение этих кушаний, их связь с аграрными культами и почитанием предков. Праздничные пиры с большим числом приглашенных являлись важным элементом общественной жизни. Торжественные семейные застолья и общественные праздничные столования горожан — братчины выступают как факт культуры, как форма общения и консолидации малых социальных групп, устойчивых микросообществ. В сознании средневекового человека совместная трапеза — это не только еда и питье, но и истовая благодарность святым за их покровительство, надежда на будущее благополучие и на людскую солидарность, столь необходимая в суровом и нестабильном мире.

Подводя итоги, можно констатировать, что предпринятая М. Г. Рабиновичем попытка рассмотреть главнейшие стороны материальной культуры русских горожан на протяжении тысячелетия несомненно увенчалась успехом. Как вполне справедливо пишет сам автор, при этом создается «глубокая историческая перспектива, возможность проследить исторические корни многих явлений городской жизни, пути их развития, преемственность типов» (Очерки материальной культуры... с. 265). Всей совокупностью материалов опровергается тезис о двух антагонистических культурах, правомерно высказанный В. И. Лениным по отношению к капиталистической формации, но механически и без должного анализа отнесенный нашими историками и к периоду феодализма. Вместе с тем широкие хронологические границы исследования во многих случаях привели к суммарным характеристикам разнородных, иногда лишь чисто внешне сходных явлений. Вероятно, следовало бы подробнее остановиться на роли церкви в повседневной жизни горожан.

Жизнь и культура древней Руси — все еще часть нашей сегодняшней жизни и культуры. Значение многолетнего труда М. Г. Рабиновича в первую очередь состоит в том, что категории общественного развития рассмотрены в конкретном воплощении, в неразрывной связи с живым человеком во всем многообразии условий его существования. Микромир, окружавший русского горожанина, его бытовая практическая жизнедеятельность выступают во всем их неповторимом своеобразии.

В. П. Даркевич

Примечания

¹ Марк Блок. Апология истории или ремесло историка. М., 1986. С. 17.

² Там же. С. 18.

© 1990 г.

Л. М. Русакова. Традиционное изобразительное искусство русских крестьян Сибири. Новосибирск, 1989. 176 с. 102 илл.

Новая книга Л. М. Русаковой рассчитана, безусловно, на специалистов — разговор о традиционном изобразительном искусстве русских крестьян Сибири ведется на строго научном языке. Этого требовал сам замысел автора, весьма смелый и новаторский. Впервые на сибирском материале